АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ЭКСПАНСИЯ. ИСТОРИЯ ГАЛАКТИКИ

ОСТРОВ НАДЕЖДЫ

Annotation

2608 год.

Лейтенант космофлота Антон Вербицкий, принимает неравный бой с истребителями Альянса на орбитах безымянной планеты. Его корабль сбит, но падая, он не подозревает, что не только сумеет выжить, но и столкнется с одной из трагических загадок прошлого, узнает о судьбе своих предков и встретиться с удивительными последствиями их пребывания на планете.

Андрей Ливадный Возвращение богов (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 6) (Остров надежды — 1)

Пролог

РАПОРТ:

Командующему седьмым ударным флотом Земного Альянса адмиралу Надырову от исполняющего обязанности командира второй эскадры капитана Горнева.

Передано по каналу Гиперсферной Частоты.

Доношу до Вашего сведения, что моими кораблями, в рамках тотальной проверки планетарных систем шарового звездного скопления Гамма-47, обнаружено развитое индустриальное поселение на планете Y-12-S.

В результате радиоконтакта установлено, что данная колония, возникшая после посадки на планету колониального транспорта «Кривич», имеет связь с несколькими другими колониями подобного типа.

На требование о добровольном вступлении в Земной Альянс и признании своего колониального статуса с планеты последовал категоричный отказ.

На переговоры была послана полномочная делегация в составе трех офицеров флота и представителя Всемирного Правительства.

Результат переговоров отрицательный.

По данным оперативной разведки, планета имеет слаборазвитый космический флот и поддерживает торговые контакты с несколькими соседними колониями, возникшими независимо друг от друга в разные периоды Экспансии.

На основании вышеизложенного считаю целесообразным для скорейшего захвата данного сектора пространства и оказания морально-психологического воздействия на население этой планеты и соседних, неустановленных пока колоний подвергнуть ее демонстративной бомбардировке с орбиты один из городов планеты Y-12-S.

Дата. Подпись.

* * *

КОМАНДИРУ ВТОРОЙ УДАРНОЙ ЭСКАДРЫ КАПИТАНУ ГОРНЕВУ ОТ АДМИРАЛА СЕДЬМОГО УДАРНОГО ФЛОТА ЗЕМЛИ.

ПЕРЕДАНО ПО ГЧ:

«ДЕЙСТВУЙ».

* * *

РАДИОСООБЩЕНИЕ:

13 января 2697 года.

В районе планеты Элио продолжаются бои местного значения.

* * *

СЛУЖЕБНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА:

На лейтенанта пятой сводной бригады Военно-космических сил планеты Элио, Антона Вербицкого.

Лейтенант Вербицкий Антон Эдуардович, гражданская специальность — техник по обслуживанию и ремонту орбитальных комплексов.

В боевых действиях участвует с первых дней появления Земных эскадр на дальних орбитах планеты. Организовывал и непосредственно исполнял отражение первой атаки на планету, посредством вооружения подручных транспортных средств. Проявил героизм и находчивость.

После бомбардировки противником Раворграда, где проживали родители лейтенанта Вербицкого, стал замкнут, необщителен, резок с начальством и сослуживцами. Основные качества, проявленные лейтенантом за время ведения боевых действий, — дерзость, глубочайшая (до полной потери рассудка) ненависть к противнику, высокий профессионализм пшюта.

В кругу товарищей пользуется неизменным авторитетом и уважением за боевое мастерство и личные качества. С начальством находится в постоянном молчаливом противостоянии.

РЕКОМЕНДАЦИИ:

Использовать для отдельных одиночных заданий с высокой степенью риска.

ВКЛАДЫШ.

Лейтенант Вербицкий Антон Эдуардович пропал без вести при невыясненных обстоятельствах во время боевых испытаний новой модели космического истребителя.

Снят со всех видов довольствия.

Глава 1. Штопор

К приборной панели, как раз между верхней боевой консолью и нижним срезом обзорных экранов, была прикреплена полоской прозрачной липкой ленты старая фотография, где двое пожилых людей и десятилетний мальчик стояли у темной, маслянистой воды залива, на фоне пламенеющих в сумерках алых столбов призрачного света…

Они улыбались, глядя на величественные Раворы национального парка Элио, где отец Антона долгое время работал смотрителем.

Сейчас он, сколько ни пытался, никак не мог вспомнить момент, когда был сделан этот снимок.

Перед глазами стояла другая картина, въевшаяся в его мозг, словно по нему провели раскаленным клеймом…

Стокилометровая радиоактивная воронка, с остекленевшими от жара краями и черными лужами мертвой стоячей воды на дне.

И пепел.

Серый, рассыпающийся в труху радиоактивны прах, в который превратились его родители…

На боевых радарах появились семь точек, растянувшиеся широкой дугой. Это были перехватчики противника.

Впереди медленно рос пухлый шар безымянной планеты. На левом обзорном экране ослепительно сиял диск местного солнца. Черный бездонный космос был испятнан близкими скоплениями звезд.

В тишине сдавленно попискивали сигналы пульта да мерно вздыхал насос системы регенерации воздуха.

Антон ждал. Годы войны научили его терпению. Ему было мало тех истребителей, что третий час висели на хвосте его машины. Ему был нужен выпустивший их крейсер.

Наживка, на которую он собирался поймать гигантский боевой корабль, уже была введена в память бортовой кибернетической системы его истребителя.

Рука Антона легла на сенсоры.

Пора.

Тщательно продуманный диалог между ним и его несуществующими напарниками вышел в эфир с соблюдением всех закономерных задержек. Он был исполнен попросту безупречно.

— Флагман, двенадцатому. Почему отстаете от группы? Пауза…

— Двенадцатый… Флагману… — голос пилота, со всей скрупулезностью синтезированный компьютером, передавал волнение и страх неопытного пилота. — Я попался… У меня на хвосте семь перехватчиков противника!…

— Двенадцатый, у тебя на борту гиперсферный радар! Ты с ума сошел! Запрещаю ввязываться в бой! Воспользуйся сверхсветовым приводом!

Антон мысленно представил смятение, которое царит в этот момент в умах противника. Он мрачно усмехнулся. Гиперсферный радар был блефом, сказкой, он не мог существовать в принципе, по крайней мере на уровне современных технологий, но слухи о его изобретении то и дело возникали то тут, то там, будоража наиболее доверчивых… Но его расчет был абсолютно холоден и точен. Противнику и в голову не придет, что разнервничавшийся желторотый пилот станет рассказывать сказки за минуту до собственной гибели.

— Двенадцатый Флагману… Неполадки в ходовых секциях гиперсферного привода… Не могу уйти в прыжок! — В голосе пилота звучала паника. — Нахожусь в визуальном контакте с планетой. Попытаюсь сесть и спрятать корабль!…

— Действуй, сынок! Мы запеленговали твой сигнал. Возвращаемся на базу за подкреплением! Продержись хотя бы сутки, и мы вытащим тебя оттуда! Конец связи…

…На бледном лице Антона Вербицкого играла зловещая улыбка, когда, отключив запись, он резко развернул машину к планете. В хвостовой части истребителя открылись бомболюки, выбросив в космос пять кассет с автоматическими самонаводящимися ракетами класса «космос-космос». Их куцые электронные мозги были запрограммированы на поражение крейсера противника, который, по расчетам Антона, должен появиться тут не позже чем через сутки. Семь перехватчиков, стремительно приближавшихся к планете, они попросту не заметят. Перехватчиками Антон собирался заняться сам.

Он мысленно представил себе многокилометровый крейсер, разлетающийся на куски от прямого попадания ядерных ракет, и в душе, словно черный туман, всколыхнулась душившая его ненависть. Смерть за смерть. Они заслужили это.

Закрыв дымчатое забрало гермошлема, он отрегулировал изображение и пошевелил пальцами, разминая их, прежде чем привычным движением охватить рычаги управления с гашетками на конце.

В душе Антона царило мрачное, безмолвное спокойствие. Он

развернул корабль и устремился навстречу противнику.

В конце концов, ему была поставлена задача испытать машину в боевых условиях. Если она выдержит расклад семь на одного, то конструкторы смогут быть довольны…

Его разворот не остался без внимания со стороны противника. Группа моментально распалась на тройки, которые начали стремительно расходиться в разные стороны, отрезая его от дальних орбит и прижимая к планете. Пилоты не были дилетантами и справедливо опасались, что, несмотря на радиосообщение, ему удастся в последний момент включить гиперпривод и исчезнуть.

Лишь один перехватчик не изменил курса и упорно шел в лоб. Антон, продолжая начатую игру, сбросил обороты двигателей и провалился вниз, навстречу пухлой шапке атмосферы, уклоняясь таким образом от лобовой атаки.

Теперь они должны успокоиться, уверовав в его самоубийственную и глупую попытку укрыться на поверхности планеты.

Так и получилось. Точки на радаре рассыпались, как потревоженная стайка воробьев. Три из них перегруппировались, чтобы следовать за ним, оставшиеся четыре разбились попарно, барражируя на дальних орбитах.

Антон еще сомневался, вызвали ли они крейсер. Возможно, экипажи перехватчиков надеялись справиться с ним собственными силами, присвоив себе лавры победителей.

Что ж… Придется заставить их взмолиться о помощи…

Одно движение руки, и его истребитель начал преображаться. В хвосте обтекаемой машины выдвинулись четыре расположенных в форме буквы X закрылка, каждый из которых оканчивался вакуумной пулеметной турелью.

Антон сманеврировал двигателями, стряхивая с хвоста опасно приблизившегося противника, и включил боевой режим.

Впереди, сразу за крутым боком планеты, разгорался ослепительный серп зари. Машина Антона, продолжая терять высоту, падала прямо в размытую линию терминатора.

На такой скорости он должен был неминуемо сгореть, рухнув в плотные слои атмосферы сверкающим болидом.

Видимо, его преследователи заподозрили неладное. Тройка распалась, и они начали расходиться в стороны.

Черти… Антон резко потянул рули, и планета опрокинулась. В глазах потемнело от мгновенной перегрузки, когда его машина на выходе из маневра рванулась в обратном направлении.

Истребитель трясло крупной, предательской дрожью, словно в нем от запредельной нагрузки вибрировал каждый болт. Планета проваливалась вниз слишком медленно, нехотя выпуская крохотный космический корабль из своих цепких гравитационных объятий.

Щеки Антона отекли от перегрузки. Он неотвратимо шел в лоб растерявшемуся звену, не ожидавшему столь стремительного разворота и такой бешеной лобовой атаки.

Антон знал, что мало у кого выдерживали нервы, чтобы закончить этот самоубийственный маневр.

Большой палец правой руки заученным движением сбросил предохранитель гашетки. Он прекрасно знал, что три пилота противника в этот момент, бросив рули управления, в рефлекторном ужасе рвут страховочные ремни, чтобы выпрыгнуть из своих кресел. Но на это у них уже не хватало времени. Четыре пулеметные установки заработали, вбивая крупнокалиберные кумулятивные снаряды в лобовую броню головного перехватчика. Его пилот в немом оцепенении смотрел, как хвостовые стабилизаторы сумасшедшего камикадзе внезапно взорвались огнем, и в тот же момент обзорные экраны в его собственной кабине брызнули осколками стекла — лобовая броня не выдержала, разлетаясь рваными клочьями, и уже мертвого пилота пригвоздило к креслу…

Истребитель Антона пролетел сквозь бурое облако взрыва, вырвавшись на оперативный простор, и, не снижая скорости, устремился прямо на барражирующую четверку перехватчиков.

В эфире царил настоящий содом. Предсмертные вопли смешались с нечленораздельными выкриками, бессмысленными командами и мольбами о помощи.

Два боковых вздутия на корпусе машины Вербицкого раскрылись, обнажая тупые жала реактивных ракет «космос-космос». Залп!…

Пять огненных хвостов рванули вперед. Антон мгновенно сбросил обороты, намеренно отстав, чтобы дать возможность компьютерам самонаводящихся боеголовок поймать цели. Уже не один пилот окончил свой путь глупой и бесславной смертью, атакованный собственными ракетами, когда в пылу атаки, совершив залп, продолжал двигаться вплотную за роем выпущенных снарядов.

Тем временем два уцелевших после лобовой атаки перехватчика пришли в себя и, стабилизировав взбесившиеся в момент потери управления машины, устремились назад. Нет они не были ни дураками, ни трусами. Вражеские пилоты уже поняли, с кем имеют дело…

Чем умнее и решительнее оказывался противник, тем яростнее

клокотала в душе Антона сжигавшая его ненависть. Раз эти люди в своем уме, то как могли они хладнокровно сбросить ядерные бомбы на его планету?! Какое оправдание можно найти таким выродкам?

Только смерть…

В космосе вновь расцвели сполохи разрывов. Антон бросил беглый взгляд на боковые мониторы и выругался от разочарования — все пять ракет атаковали два ближайших к ним корабля, проигнорировав более отдаленные цели.

Это резко меняло обстановку. У него не осталось больше боеголовок, только спаренные крупнокалиберные пулеметы да автоматическая пушка, жестко закрепленная на носу истребителя, а баланс сил по-прежнему был не в его пользу. Четыре корабля противника пикировали на него с разных сторон, и он уже видел первые вспышки ракетных залпов.

В такие секунды его чаще всего выручала интуиция мышления. Он подался всем телом, загоняя рычаги Управления до упора вперед, и его корабль на форсаже Двигателей почти вертикально вонзился в лазурную голубизну атмосферы.

Он не слышал монотонных выкриков бортовой киберсистемы о недопустимости подобного маневра, не видел, как на контрольных мониторах вспыхивают и гаснут запросы о том, стоит ли вывести атакующие ракеты в качестве целей, — вся информация безнадежно запаздывала, — обшивка истребителя уже начала плавиться от трения о воздух, вражеские ракеты, выпущенные перекрестным огнем с разных сторон, сошлись в одной точке, где уже не было его корабля, и частично уничтожили друг друга, а уцелевшие, по прихоти их примитивных компьютеров, переориентировались на атаку своих же кораблей…

На ближних орбитах расцветали сполохи разрывов, и разлетались осколки брони от гибнущих перехватчиков, а он, почти потеряв сознание от перегрузки, падал, ведя отчаянную борьбу со взбесившейся машиной…

Резкие вспышки автоматически сработавших тормоз-снарядов ослепили его, заставив видеокамеры на мгновение погаснуть.

Истребитель падал, сорвавшись в неуправляемый штопор, обшивка горела, дымясь и отслаиваясь. Глаза пилота, окруженные темными синеватыми мешками, от постоянной перегрузки вылезли из орбит, но он не потерял сознание и продолжал бороться, когда это уже казалось бессмысленной затеей.

Конечно, он мог катапультироваться — даже на такой скорости это спасло бы ему жизнь, — но такова природа большинства настоящих пилотов, — бросить машину, которая стала частью тебя самого, порой

бывает выше человеческих сил, по крайней мере пока еще теплится хоть какая-то надежда… потом, когда близкая поверхность рванет навстречу экранам, этот лучик надежды погаснет, но будет слишком поздно и оставшихся до столкновения секунд не хватит даже на то, чтобы рвануть рычаг катапультирования…

В обгоревшей обшивке обозначились широкие прорези, в которые, чудом не подломившись от бешеного напора встречного воздуха, выдвинулись короткие атмосферные крылья.

У Антона был единственный шанс спастись, не бросив машину. Он должен изменить вектор движения.

Медленно, миллиметр за миллиметром, он тянул на себя рычаги управления закрылками, даже не пытаясь взглянуть на экраны, чтобы определить, сколько еще осталось до рокового удара о поверхность.

Иногда секунды в жизни человека складываются в неопределенные отрезки вечности. За те мгновения, что его сознание балансировало на грани неизвестности, между жизнью и смертью, Антон успел подумать о многом. Если верить бортовому хронометру истребителя, то с момента отключения тормоз-снарядов прошло восемь секунд, ну а если взять субъективное время полуживого от перегрузки пилота…

За дымчатым забралом его гермошлема не было видно, как за эти мгновения вечности его волосы стали седыми…

Штопор постепенно перешел в пологое падение. Еще одно усилие, и нос истребителя начал медленно задираться…

Он судорожно сглотнул и позволил себе взглянуть вниз.

…Под брюхом истребителя, сливаясь в головокружительные полосы, неслись хаотичные нагромождения скал. Его сердце похолодело, и он бросил моментальный взгляд на боковые мониторы. Там серой бесконечной мутью проносились отвесные стены глубокого каньона.

Он тряхнул головой, взглянув на приборы.

Это не было чудом. Лазерные дальномеры систем автоматического пилотирования включились, как только первые молекулы воздуха ударились об обшивку его истребителя. Пока он сантиметр за сантиметром вытаскивал машину из штопора, автоматика позаботилась обо всем остальном, подправив курс падающего корабля так, чтобы он вошел в широкий разлом ущелья…

Взгляд Антона метнулся к радару.

Ему в хвост заходили две яркие точки.

Всего двое…

Он кинул быстрый взгляд на счетчики зарядов вакуумных турелей и

понял, что шутки с судьбой закончились. На этот раз он окончательно влип. На приборной панели ярко мигали четыре рубиновых сигнала. Все внешнее вооружение было уничтожено. Турели сплавились и сгорели в плотных слоях атмосферы. Системы безопасности сообщали об автоматическом отстреле бесполезного балласта вместе со взрывоопасными остатками боекомплекта.

Антон побледнел. Не от страха, а от обиды. Это было почти ребяческое чувство. Стоило совершать невозможное, чтобы оказаться совершенно беспомощным в руках этих ублюдков…

Он с силой хлопнул по клавишам активации носового автоматического орудия, но шторки бронеплит безнадежно заклинило от высокой температуры.

В порыве бесконтрольной ярости он рванул рычаги, и истребитель, взревев перегруженными двигателями, круто задрал нос и начал переворачиваться навстречу двум севшим на хвост перехватчикам.

Дистанция была ужасающе короткой, и нервы противника не выдержали еще одной безмолвной, внезапной и сумасшедшей лобовой атаки. Они инстинктивно рванулись в стороны, чтобы избежать столкновения, но этому воспрепятствовали отвесные стены ущелья. Один из пилотов все же справился с управлением и свечой взмыл вверх, второму же не хватило не то скорости реакции, не то доли везения, и его машина врезалась в стену каньона.

Оглушительный взрыв потряс древние скалы, и в этот момент истребитель Антона вырвался наконец из теснины!

Вторая машина стремительно удирала. Ее пилот струсил. Он не мог тягаться с противником, хоть тот и не сделал по нему ни одного выстрела. Антон хрипло закричал от восторга. Было что-то дьявольское в этой картине: вставший на ребро горизонт, серые скалы, нежная голубизна прозрачного утреннего неба, и жирный шлейф черного дыма, утекавшего в лазурные небеса, где плавали перистые полосы призрачного небесного тумана…

Он выровнял машину, и в этот момент где-то сзади, за кабиной пилота, в районе ходовых секций, возник заунывный дребезжащий звук.

Чуткий, восприимчивый слух пилота мгновенно различил этот характерный, бьющий по нервам скрежет и звон изломанного металла. И, словно подтверждая все самые нехорошие предчувствия, на пульте управления злобно вспыхнул сигнал тревоги.

На аварийном табло появилась надпись:

«ИЗЛОМ ШЕЙКИ ОСИ ВЕДУЩЕГО ВАЛА ПРАВОЙ ДВИГАТЕЛЬНОЙ УСТАНОВКИ».

Просто не выдержал металл.

Антон в горьком отчаянье на мгновение прикрыл глаза, чувствуя, как машина с одним работающим двигателем начинает медленно, но неумолимо валиться набок.

Теперь у него оставался единственный выход.

Стиснув зубы, он одной рукой на ощупь нашел рычаг катапультирования и нажал его.

В следующий момент жесткий удар аварийно-спасательной катапульты швырнул пилота в лазурные небеса…

Глава 2. Условия выживания

Для каждого человека слово «ненависть» несет в себе свой определенный и сокровенный смысл.

Для Антона Вербицкого оно означало жестокую, без компромиссов и правил борьбу до полного физического уничтожения противника. С точки зрения прошлых лет — он был безумен. С точки зрения настоящего — постоянная, изматывающая, выжигающая его изнутри борьба была единственным способом сохранить рассудок.

От удара о твердую почву он на несколько мгновений потерял сознание и потому не видел, как автопилот его истребителя пытался посадить покалеченную машину. Покинув кабину, он дал автоматике возможность честно выполнить свои функции.

Обгоревшая машина со смятыми закрылками и простреленным в одном месте бортом неуклюже планировала на коротких крыльях, пока не чиркнула брюхом по скалам, издавая зубовный скрежет раздираемого металла. Истребитель несколько раз подбросило, развернуло вокруг своей оси, проволокло по хаотичному нагромождению валунов, и, наконец, он застыл на краю небольшой расселины, накренившись на одно крыло, словно покалеченная птица.

В этот момент Антон очнулся. Он лежал, скрючившись в объятиях амортизационного каркаса, и перед его глазами, в трещине камня, гнулся под порывами ветра пучок выцветшей, желтовато-зеленой травы.

«Хлорофилл… — пришла в голову отстраненная мысль. — Значит, планета кислородная…»

Он, видимо, сильно врезался головой, если думал о таких вещах, когда где-то в небесах кружил последний перехватчик противника.

Застонав от боли в ушибленном боку, он разогнулся, расстегнул пластиковые дуги и освободившейся ногой отпихнул в сторону остатки кресла.

Через минуту, сумев подняться на четвереньки, он вновь едва не рухнул навзничь от вспышки засевшей под ребрами боли. К горлу мгновенно подкатила тошнота. Он застонал, сдерживая рвущийся наружу желудок, с яростью пытаясь урезонить собственный вестибулярный аппарат. Несмотря на то что под ним был твердый и холодный камень, организм никак не хотел воспринимать реальное положение вещей, и скала вращалась перед затуманенным взглядом, словно он все еще падал…

Из поднебесья накатился надсадный рев турбин.

Антон встрепенулся. Он знал, что его противник вернется, но не думал, что это произойдет так быстро. Вербицкий рассчитывал, что тот сядет рядом с его подбитой машиной, и тогда овладение вражеским кораблем сведется к короткой рукопашной схватке с любопытным пилотом.

Рев нарастал, и он, превозмогая слабость и боль, боком начал отползать под укрытие наклонной скалы.

В следующий момент Антон убедился, что имеет дело с отменным ублюдком. Черт побери… Он сражался с ними яростно, безумно, но честно…

Рев накатывался на него, и вместе с ним по земле и скалам бежали две непрерывные строчки разрывов, неумолимо настигая ползущего боком Антона. Он судорожно дернулся, пытаясь рывком встать на колени, но в следующий миг сокрушительный удар швырнул его обратно на землю.

Он упал, распластавшись по скале, вдребезги расколов забрало своего гермошлема, а султанчики разрывов, оставив на его спине черную, уродливую отметину, пробежали еще с десяток метров, осыпая все вокруг каменной крошкой, и иссякли.

Вой начал отдаляться.

Антон привстал, испытывая мучительную боль, судорожно вдыхая холодный горьковатый воздух планеты и чувствуя, как по разбитому лицу и простреленному боку текут горячие струйки крови.

У него было не больше минуты, чтобы укрыться от следующей очереди.

В полубессознательном состоянии, действуя по большей части рефлекторно, он пополз, не выбирая направления, с единственным стремлением найти какую-нибудь щель, где можно будет укрыться, достать оружие и подороже продать свою жизнь…

Перед глазами полыхали оранжевые круги боли. Он то терял сознание, то обретал его вновь. Подтягиваясь на руках, он тянул свое тело прочь с открытого места, сам не подозревая того, что движется прямо к краю обрыва…

На душе Антона в этот миг было тепло и спокойно…

Он видел пламенеющие столбы Раворов во всем их ночном великолепии… Глупая ухмылка жабоклюва в загоне национального парка… Памятник экипажу «Кривича» на том месте, где несколько столетий назад совершил посадку легендарный колониальный транспорт…

Он помнил, что список имен, высеченных на куске настоящей обшивки космического корабля, установленном в качестве мемориальной

плиты, начинался с фамилии Галанин, сразу за которой, в списке основного экипажа шел Андрей Вербицкий, его далекий предок…

Еще один метр…

Он в очередной раз подтянулся на руках, теряя сознание от боли, но в черном мраке небытия, словно гигантская серая птица, кружила его ненависть к тем, кто пришел из глубин галактики, с проклятой и желанной прародины… Они хотели забрать то, что в течение сотен лет бережно и гордо вынашивалось в сознании новых и новых поколений элианцев, — их независимость…

Пальцы Антона внезапно ощутили пустоту, и до его помутившегося сознания, сквозь вереницу ирреальных образов дошло ощущение того, что он сорвался и катится вниз по бесконечному горному склону…

Потом пошел дождь…

…Он очнулся в полной темноте.

Вокруг была вода. С небес доносился раскатистый рокот грозы, и черный купол небосвода то и дело рассекали косые, ветвистые зигзаги молний…

Сквозь разбитое забрало гермошлема по лицу хлестали прохладные струи дождя.

Его лихорадило, спина и бок горели огнем, все тело сотрясала крупная дрожь…

Несколько минут он лежал, даже не пытаясь пошевелиться, просто глядя в черный купол небес, где сполохи молний высвечивали темные лохматые тучи.

Несмотря на лихорадку и саднящую боль, на душе Антона было тепло и спокойно. Он даже улыбнулся разбитыми и потрескавшимися губами.

Его безумие, его ненависть, его война — все пришло к концу…

Он умирал.

Потом в глухой дождливой ночи раздался душераздирающий вопль какого-то существа, и ощущение безмятежного покоя моментально исчезло.

Он нашел в себе силы и приподнялся на локте, превозмогая слабость и боль.

Странно, но он совершенно не хотел возвращаться ни в какую реальность. Где-то сбоку прошелестели осторожные шаги. Вопли не прекращались, наполняя темноту ощущениями страха.

Антон прислушался. Шаги кружили вокруг него.

На что он надеялся, когда пополз вверх по каменистому склону?

Впоследствии он так и не смог ответить на этот вопрос. Просто в какой-то момент к нему вернулась вся ярость и боль, испытанные им за

последние часы. Было нестерпимо обидно, что какая-то местная тварь уже восприняла исходящую от него обреченность и кружит, терпеливо ожидая, когда можно будет полакомиться куском свалившейся с небес падали…

Ползти по мокрым скалам и осклизлой от дождя земле было неимоверно трудно, и он несколько раз сползал вниз, начиная пройденный путь с нуля. Его все сильнее лихорадило, он вновь начал терять сознание и потому совершенно не помнил, как оказался на широкой ровной площадке перед узкой расселиной, ведущей в пещеру. Единственное, что сохранила его память, были звуки отчаянной борьбы каких-то существ, доносившиеся отсюда незадолго до того, как он выбрался на ровное место.

Привалившись спиной к скале, он зашелся в мучительном кашле.

Рассвет еще не наступил, но ночь уже не была похожа на ночь. Сильный, порывистый ветер теперь перешел в шквал. С неба низвергались потоки воды, молнии рвали тьму бледными вспышками. Антон посмотрел вниз, пытаясь оценить пройденный путь, и внезапно заметил, что котловина, откуда он выбрался, вся полыхает пожарами, которые не мог погасить даже проливной дождь. Деревья и кусты, освещаемые непрерывными разрядами молний, были повалены в нескольких местах концентрическими кругами.

Антон чувствовал себя отвратительно, но путь по мокрому склону, мучительный и долгий, потребовавший невероятного напряжения, вернул ему ощущение реальности, и теперь он желал одного: оказаться в сухой и относительно безопасной пещере, подальше От гнева разбушевавшихся стихий.

Ему достало сил только на то, чтобы доползти до входа. Кое-как примостившись на сухом пятачке, под навесом наклоненной скалы, он отстегнул от пояса изодранного и вымазанного грязью скафандра индивидуальную электронную аптечку и, расстегнув экипировку, прижал к обнаженной груди головку анализатора, расположенную в торце тридцатисантиметрового цилиндра.

Почувствовав, как впились в его кожу зонд-анализаторы, Антон закрыл глаза.

Ему опять чудились мягкие, крадущиеся шаги, но разлепить отяжелевшие веки не было сил. Рассчитанный на сохранение человеческой жизни прибор уже произвел необходимые анализы, и после очередного укола иньектора Антон вдруг провалился в тревожную, но спасительную для него бездну не то беспамятства, не то сна…

…Опять, в который уже раз он видел кошмары. Сквозь сладкую одурь вызванного лекарством сна Антону виделись странные вещи. Кто-то

подкрался к нему сзади. Наверное, не будь у него на голове помятого гермошлема с разбитым забралом, он бы ощутил на своем затылке горячее дыхание зверя…

Чьи-то зубы впились в шейное кольцо его скафандра и поволокли обмякшее, безвольное тело в глубь пещеры, где по полу были разбросаны кости каких-то животных и витал удушливый смрад разлагающейся плоти…

Потом громадная темная тень заслонила собой освещаемый вспышками молний вход в пещеру, и за спиной Антона сверкнули два зеленых глаза. Раздалось шипение, и гибкая тень метнулась навстречу заслонившей проход исполинской фигуре.

Сознание Антона воспринимало эти картины как бред…

Потом наступил холодный и сырой рассвет.

…Он открыл глаза, удивленно уставившись в низкий каменный свод пещеры.

Здесь было относительно тепло и сухо, но в застоявшемся воздухе витал тошнотворный смрад. Антон пошевелился, и его рука задела что-то твердое и белое. Он скосил глаза. Небольшой выбеленный временем череп с двумя впалыми глазницами прокатился по полу пещеры и застыл, скалясь клыками в сторону освещенного полуденным солнцем входа.

Это уже не было похоже ни на сон, ни на бред. Антон наконец избавился от остатков забытья и теперь с удвоенной остротой воспринимал реальность.

Он чувствовал, что ослаб, как новорожденный ребенок. Не в силах напрячь ни один мускул, он лежал на одеревеневшей спине и вдыхал тошнотворные ароматы пещеры… Постепенно в его памяти начали всплывать кошмарные события прошедшей ночи. Пока он лихорадочно пытался из обрывков воспоминаний составить связную картину, сбоку от него что-то шевельнулось. Антон напрягся, моментально забыв про слабость, когда услышал мягкие, крадущиеся шаги…

Несомненно, это был тот самый таинственный зверь, что присутствовал в его ночных кошмарах.

Лучше бы ему было не приходить в сознание… Антон омертвел, когда сзади к нему склонилась чья-то тень, он почувствовал горячее дыхание зверя, и вдруг мягкий и шершавый язык коснулся его щеки…

Антон не дышал в полнейшей растерянности.

Язык прошелся по его щеке, словно кусок теплой наждачной бумаги, и вновь повторил то же движение. Потом еще… И еще раз…

Оно лизало его!

Леденящий страх на мгновение отпустил его разум. Сквозь вход в пещеру проникало достаточно света, и Он смог разглядеть в нескольких сантиметрах от своего лица два изумрудно-зеленых глаза с черными, вертикальными зрачками. Существо, словно уловив его осмысленный взгляд, перестало лизать и, широко зевнув, показало два ряда острых клыков. Затем оно село, чуть склонив голову, и уставилось на Антона сонным и сытым немигающим взглядом. Казалось, что ему только и нужно было, чтобы он открыл глаза или любым другим способом дал знать, что жив.

Оказывается, смертельный ужас — это отличный стимулятор. Антон чувствовал, как выброшенный в кровь адреналин возвращает к жизни его тело, наполняя энергией одеревеневшие мышцы.

Его рука медленно, чтобы не привлечь внимания зверя, потянулась к поясу, где в пластиковой кобуре был снятый с предохранителя автоматический пистолет.

Пока его пальцы совершали медленные и осторожные манипуляции, глаза Антона неотрывно следили за зверем. Это было самое удивительное создание, виденное им за последние пять лет. Мускулистое тело, покрытое лохматой, местами свалявшейся рыжевато-коричневой шерстью. Вообще, если верить рожденным в голове Антона мгновенным ассоциациям, то существо удивительно походило на огромного полутораметрового котенка…

…В детстве у Антона был кот… Эти представители животного мира Земли были на Элио большой редкостью. По каким-то причинам их предки, прилетевшие вместе с людьми на колониальном транспорте «Кривич», не прижились, и колонистам удалось сохранить всего несколько пар, которые содержались в домашних условиях, строго изолированные от биосферы планеты. Отец Антона, будучи зоологом и смотрителем национального парка Элио, однажды принес до, мой такое же лохматое, игривое чудо. Котенок был совсем маленьким, серым и смешно ковылял на тонких, еще не окрепших лапах, неизменно забираясь в постель к пятилетнему Антону, который как раз в это время болел и лежал с высокой температурой…

…Пальцы Антона наконец сомкнулись на холодной и ребристой рукоятке автоматического пистолета. Он непроизвольно вздохнул и медленно извлек оружие на свет.

Существо склонило голову, взглянув на вороненую сталь, широко зевнуло и вновь перевело взгляд на лицо человека.

Некоторое время они неотрывно смотрели друг другу в глаза.

Несомненно, предки этого существа эволюционировали по пути типичных представителей семейства кошачьих, но при внимательном рассмотрении можно было заметить детали, указывающие на особенности местной эволюции. Отец часто рассказывал Антону о различных исследованиях в области биологии, и он знал, что животный мир всех, без исключения, кислородных планет имеет определенную схожесть, но природа, как правило, следует своим стандартным заготовкам лишь до определенного момента. Все существа, обитающие на кислородных мирах, обычно можно разделить на млекопитающих и земноводных, птиц, зверей и рыб, но их многообразие бесконечно, и при всей схожести, земная обезьяна будет отличаться от приматов Прокуса так же сильно, как птеродактиль отличается от воробья…

Это существо действительно очень сильно напоминало огромного кота, за исключением, наверное, передних конечностей — они были более развиты и имели длинные, оканчивающиеся когтями пальцы, лишенные волосяного покрова.

«…Интересно, как воспринимает меня этот хозяин пещеры? — подумал Антон. — Я его завтрак, пленник или же просто постороннее, полудохлое существо?…»

…Движение.

Пальцы Антона рефлекторно впились в ребристую рукоятку.

Существо грациозно выгнуло спину, потянулось и, мягко ступая, подошло ближе.

Антон не шевелился.

— Уург?…

Теплый, шершавый язык прошелся по его лицу, потом по рукам.

— Хороший котик… — прошептал Антон, сам испугавшись звука собственного голоса, похожего на мучительный скрип заржавленного механизма.

— У-ург?! — «Котик» отпрянул, и коричневато-рыжая шерсть встала дыбом по всему телу, обнажив длинную рваную рану на боку существа, покрытую коркой запекшейся крови.

— Ну… Не бойся, — выдавил Антон.

Существо сделало неуверенный шаг вперед. Под его густым мехом при каждом шаге округлялись и перекатывались великолепные мускулы. Создавалось впечатление, что оно могло прибить человека просто небрежным ударом лапы. Хотя Антону, в свою очередь, достаточно было слегка надавить на гашетку…

При этой мысли он вдруг вспомнил о теплом, шершавом языке и

своих полубредовых ночных видениях, в которых это существо тащило его сюда, в пещеру, а потом сражалось у входа с какой-то тварью, защищая потерявшего сознание человека…

— Ну что?… — Его горло наконец прочистилось и могло издавать подобающие человеку звуки. — Кто ты, лохматик?

— Уууррг… — «Лохматик» сел на задние лапы, обвив их хвостом, и вдруг сонно зажмурился.

Да, стоило увидеть все в ином свете. Нужно только на секунду забыть о пистолете и когтях. Перед ним, зажмурившись, сидел пушистый домашний зверь, сильно смахивающий на того котенка, которого подарили ему в детстве, только, конечно, во много раз больший… Антон мысленно удивился, как трудно порой бывает пересилить въевшийся в душу страх и выработанную годами войны враждебность…

Он выпустил рукоять пистолета, позволив ему скользнуть назад, в кобуру, подтянул руку, оперся на нее и привстал. Боли не было, но каждый мускул его тела затек и одеревенел, грозя распасться от напряжения. К тому же его трясло от холода, исходящего от каменных стен и пола пещеры.

Собрав всю свою волю, Антон привстал, сначала на четвереньки, потом медленно выпрямился и проковылял к выходу из пещеры, чувствуя, как с каждым шагом в его мышцы болезненно возвращается жизнь.

Снаружи было тепло. Солнце ярко сияло в зените безоблачного, лазурного неба, влажная земля, высыхая, курилась паром, а над памятной котловиной плавали пласты густого тумана.

Он вспомнил звуки ночной борьбы и огляделся вокруг.

На краю каменной площадки, среди белеющих тут и там обглоданных костей, лежал настоящий хозяин приютившей его пещеры. Это был двухметровый ящер с мощным, шипастым хвостом, толстыми, мясистыми лапами и большой, защищенной роговыми пластинами головой. В разинутой пасти виднелись ряды устрашающих клыков, явно не предназначенных для вегетарианской пищи. Горло ящера было в двух местах разорвано мощными ударами когтистых лап.

Антон присвистнул и присел на корточки, с уважением разглядывая жмурящегося на солнце победителя ночной схватки, который показался из пещеры и сел рядом с ним, облизывая длинным розовым языком пораненный бок.

Антон отошел на несколько шагов. Его все еще мутило, и слабость давала о себе знать. Прислонясь спиной к нагретой скале, он прикрыл глаза.

Его воспаленное сознание как будто ждало этого момента. Перед

плотно сомкнутыми веками моментально закружил дьявольский хоровод событий, словно в его мозгу кто-то прокручивал изощренную и продуманную вереницу стоп-кадров…

«Ты заперт на этой дрянной планете и больше никогда не выберешься отсюда!…» — гоготало сознание на фоне пикирующего из поднебесья вражеского перехватчика.

«Почему ты не умер там, на дне котловины, когда тебя ничто не тревожило и ты знал, что выполнил свой долг?!» — измывался визгливый потусторонний голос.

«Зачем тебе жить, придурок?!»

Кошмарное видение остекленевшей воронки и гонимого ветром пепла разрасталось до рамок безумия.

Он вздрогнул всем телом и открыл глаза.

Стоял теплый день. Спасшее его лохматое существо растянулось у входа в пещеру, нежась на солнце.

Антон отстегнул замки помятого гермошлема и, сорвав его с головы, с силой швырнул об землю. Его душила ненависть, но теперь уже к самому себе.

Кот вскочил, будто ошпаренный. Каждая шерстинка на его теле стояла дыбом, пока взгляд двух округлившихся глаз провожал скачущий по камням гермошлем.

Антон впервые в жизни слышал такое бесподобное по своим интонациям шипение. Он угрюмо посмотрел на своего ошарашенного, готового к драке спасителя, и вдруг безнадежно расхохотался, опустившись на корточки.

Существо подошло к нему и село напротив. Было непонятно, смеется человек или из его горла вырываются хриплые рыдания. Антон действительно балансировал на грани срыва. Его положение нельзя было назвать плохим — оно было попросту безысходным… Война выжгла в его душе все, оставив только боль и ненависть к тем, кто вторгся в его жизнь, обратив в прах все самое дорогое… Он жил исключительно ради того, чтобы убивать врага, все остальное в нем поблекло и потеряло какой-либо смысл. Он разучился быть человеком…

И вот он один. Раненый, но живой, вдали от битв, на девственной планете, без надежды вернуться туда, где люди истребляют друг друга…

Тишина. Чистый, чуть горьковатый воздух…

Он чувствовал себя старой, изуродованной машиной, которую вышвырнуло на обочину, — и вот она стоит, еще способная двигаться, но уже ненужная, списанная в процент потерь и лишенная смысла

существования.

Он знал, что ему поздно начинать что-либо заново. Слишком много сгорело в его душе…

Теплое дыхание зверя опять коснулось его щеки.

Антон вдруг почувствовал, как от безысходности защемило в груди, словно он был не изувеченным войной солдатом, а маленьким мальчиком…

Он не понимал, что вдруг на него накатило, но, подчиняясь идущему из глубин души порыву, он вдруг протянул руки и обнял своего спасителя за шею, чувствуя, как тонут пальцы, в мягком пушистом подшерстке…

— Слушай, ты девочка или мальчик? — задал он на ухо коту чисто риторический вопрос. — Похоже, мальчик, девчонки так не дерутся… — он говорил и одновременно успокаивался словно от этого теплого пушистого существа исходили какие-то целительные волны… — Я буду звать тебя Пух, договорились? В ответ раздалось невнятное: «Урм…» Антон отстранился и начал снимать с себя изодранный скафандр. Душивший его минуту назад приступ отчаяния и бешенства вдруг отпустил.

Глава 3. Путь вниз

Не было ничего сверхъестественного… были люди, их дела… и следы, вернее, шрамы, наносимые их поступками.

Антон стоял на краю обширного горного плато, за миллионы лет, прошедшие со дня его формирования, уже изрядно изъеденного по краям эрозией, покрытого скудным слоем почвы, на которой произрастали чахлые кустики травы, цеплявшейся корнями за трещины в камне, и смотрел на длинную уродливую борозду растертых в пыль камней развороченной земли, в конце которой, накренившись, застыл хищный силуэт его истребителя.

Сердце Вербицкого сжала тоска при виде изувеченной боевой машины, которой уже никогда не взмыть в небеса. Бронеплиты ее обшивки обуглились, почернели, изменив до неузнаваемости контур истребителя, задние стабилизаторы, размягчившиеся от температуры, понуро обвисли и застыли.

И все же в его душе тлел слабый огонек надежды.

Подойдя вплотную к покалеченной стальной птице, он с трудом отодвинул заклинивший люк и влез в кабину. Осмотр повреждений произвел на него удручающее впечатление. Удар о скалы был жестоким, вибрация в момент касания прошлась по внутренностям корабля, выбив экраны, порвав кабели и деформировав переборки. Нечего было и думать о том, чтобы попытаться восстановить тут что-либо: такая задача была едва ли под силу целой восстановительной бригаде с набором необходимого для ремонта оборудования. При таких повреждениях машину наверняка бы списали в утиль…

Фотографию родителей сложило пополам, зажав между смятыми консолями пульта. Антон осторожно извлек карточку, стараясь не пораниться об острые огрызки стекла, торчавшие на месте обзорных экранов, и, разгладив ее, положил в нагрудный карман.

Собрав кое-какие вещи и оружие из бортовых неприкосновенных запасов, он свалил все в пустой пластиковый кофр и спрыгнул на землю.

Его спутник был уже тут как тут и озадаченно обнюхивал покоробленный, покрытый окалиной металл, поминутно фыркая и мотая головой, словно стремясь отогнать от себя неведомые и раздражающие запахи перегретого железа, горелой изоляции и пролитого масла. Заслышав шум, он поднял голову и озадаченно посмотрел на Антона, словно

спрашивая, откуда тут взялся этот странный, дурно пахнущий предмет?

Антон усмехнулся, потрепав его по загривку.

Если и существовало в данный момент что-то, что не укладывалось в рамки обыденного понимания вещей, то это был именно он, — грациозный теплокровный хищник, несомненно грозный и сильный, но по какому-то странному стечению обстоятельств питавший к человеку дружеские чувства.

Пока Антон перетряхивал и упаковывал кофр, Пух ходил кругами вокруг изуродованного истребителя, словно пытался запомнить его подетально, при этом глаза огромного кота горели желтым недобрым блеском, а шерсть на загривке то опускалась, то внезапно вставала дыбом, словно в мозгу этого существа шли мучительные и не совсем приятные мыслительные процессы.

Наконец он успокоился, сел и внимательно посмотрел на Антона, который, установив вокруг корабля несколько противопехотных мин, соединял их в единый управляемый мини-компьютером комплекс.

Лучик надежды в его душе то угасал, то разгорался вновь с удвоенной силой.

Во-первых, он не знал, куда запропастился тот проклятый перехватчик, пилот которого поначалу струсил, а потом пытался добить его, ползущего по камням, из пулеметов. Антон сомневался, что враг покинул планету, не осмотрев останки его истребителя, но, судя по размытым дождем следам, с момента падения никто не подходил к покореженной машине, будь то человек или зверь.

Во-вторых, у него из головы никак не шел крейсер, который, по логике вещей, должны были вызвать перехватчики. Если ему каким-то образом удастся избежать оставленной Антоном на орбите ловушки, то рано или поздно здесь появится его спускаемый модуль, а это, в свою очередь, был реальный и весьма перспективный шанс завладеть десантным кораблем противника и вырваться отсюда к своим.

В общем, Антон, расставив мины и детекторы, не собирался покидать этот район, а решил обосноваться где-нибудь поблизости, чтобы иметь возможность издали наблюдать за своей машиной и в случае появления противника использовать любой, даже самый мизерный шанс для спасения.

Он разогнулся, невольно поморщившись от боли, прострелившей раненый бок, и окинул взглядом далекий туманный горизонт.

Отсюда, с обрыва горного плато, открывался великолепный вид.

Диск звезды горячечным кругом сиял в безоблачном лазурном небе, посылая к планете жаркие полуденные лучи. Справа от Антона,

изломанной, заснеженной линией к самому горизонту тянулись перевалы и пики горного хребта. За его спиной раскинулось каменистое плоскогорье, ниже начинался тот самый каньон, в теснине которого ему удалось вырвать из штопора свой истребитель. Разлом планетарной коры имел около трех-четырех километров в ширину и уходил вдаль неровной змеящейся линией. Несмотря на солнечный полдень, дно каньона скрывал полумрак.

По левую руку от застывшего в задумчивости человека клубилась туманом испарений огромная, поросшая лесом котловина, сильно напоминавшая кратер, какие обычно возникают на лишенных атмосферы планетоидах после попадания крупного метеорита или астероида. Скорее всего, так оно и было. Края котловины поднимались круто вверх, образуя почти отвесные склоны высотой в один-два километра. Где-то неподалеку, в одном из таких отвесных склонов, находилась приютившая их во время грозы пещера.

Замыкало картину окружающего мира расположенное прямо перед Антоном узкое и мрачное ущелье, по дну которого стремительно бежал пенистый горный поток. Оно являлось как бы продолжением каньона, отделенное от него плоской горной возвышенностью, но было гораздо глубже и уже.

Пока Антон созерцал ландшафты планеты, его спутник закончил наконец осмотр диковинного объекта, подошел и сел рядом, устремив взгляд зеленых глаз в котловину.

Рука Антона непроизвольно легла на мягкую холку животного, которое, сидя, было ему почти что по грудь.

— Урм?… — Пух поднял голову и вопросительно посмотрел на человека.

Антон был поражен естественностью и непринужденностью этого движения, — в этот момент сидящий рядом с ним зверь столь разительно напоминал своим обликом и повадками самого заурядного и искренне привязанного к своему хозяину кота, что он на секунду засомневался в здравости собственного рассудка…

Слишком уж невероятно, практически нереально выглядела их встреча, да и все события вчерашней ночи тоже. Чем больше Антон присматривался к облику и повадкам своего спутника, тем сильнее росло внутреннее ощущение, что перед ним именно кот. В зоологическом музее Элио были заботливо сохранены все образцы земных животных, чьи замороженные эмбрионы доставил на поверхность планеты колониальный транспорт «Кривич». Некоторые из них прижились на Элио, некоторые нет, но натуральные чучела представителей исчезнувших видов постоянно

занимали несколько залов экспозиции музея, так что в свое время маленький Антон вдоволь нагляделся на львов, тигров, пантер, гепардов и прочих представителей семейства кошачьих. Все они были в той или иной степени похожи на Пуха, но как дальние родственники, не более…

Обдумав все это, Антон так и не смог прийти к какому-нибудь разумному объяснению. Ясно было одно: лежавшая у его ног котловина, изолированная от остального мира планеты своими отвесными стенами, должна быть достаточно плотно заселена сородичами Пуха. Иначе как объяснить их случайную встречу во время грозы?

И еще его не покидало предчувствие, что сидящий рядом с ним громадный кот хотя бы однажды в своей жизни сталкивался с человеком. Антон по личному опыту знал, что ни один дикий зверь не станет выказывать дружелюбие незнакомому существу. В лучшем случае, он бы проигнорировал странное двуногое.

Эти размышления во многом предопределили его дальнейший выбор. Он сам не заметил, как чувство пустоты и безысходности в его душе постепенно вытеснило жгучее любопытство. Антон твердо знал, что на эту планету никогда не ступала нога космических первопроходцев с его родной планеты. Цивилизация Элио всего семьдесят лет назад, после долгого и мучительного развития, сумела вторично выйти в космос и почти что сразу после освоения орбитального пространства своей собственной планеты была втянута в затяжную и кровопролитную борьбу с безумными экспансионистами далекой и уже прочно забытой прародины. Эта планета, находящаяся на огромном расстоянии от родины Антона, никак не могла посещаться космонавтами с Элио. «А вдруг где-нибудь здесь замаскированная база землян?!» — обожгла его внезапная мысль.

Антон невольно огляделся, чувствуя, как от посетившей его мысли окружающий мир вдруг начал неуловимо меняться, словно поблек сияющий полдень, тени вдруг стали враждебнее и резче, звуки изменили свой нейтральный характер, и к ним примешались подозрительные шорохи…

Рука Вербицкого непроизвольно легла на рукоять автоматического пистолета.

Пух сонно прищурился и внезапно повалился на бок. Задрав к небу одну из лап, он принялся вылизывать рыжую шерсть, изредка поглядывая на побледневшего Антона.

— Тьфу, ты… черт!… — непроизвольно выругался пилот, присев на корточки. — Для тебя все вокруг в полном порядке, да, котяра ты бессовестный?!

Ответом на его упрек был холодный и мокрый нос, тут же с готовностью уткнувшийся в его щеку.

В этот момент Антон и принял окончательное решение.

— Хватит вылизываться, — скомандовал он. — Пойдем-ка, поглядим окрестности.

Пух, сощурясь, смотрел на него зелеными глазами-щелками, лишь кончики его ушей слегка подергивались, улавливая человеческую речь.

Антон сделал несколько шагов в сторону обрывающегося над котловиной склона и, наметив тропинку, решительно полез вниз, цепляясь руками за редкие чахлые кусты, изредка попадавшиеся на его пути.

Преодолев с десяток метров, он остановился и посмотрел вверх. Над обрывом торчала голова и передние лапы Пуха. Кот смотрел вниз, на удалившуюся фигуру человека и нервно подергивал шкурой, готовясь к прыжку.

Наконец он решился и, оттолкнувшись от края обрыва, взвился в воздух, рыжей молнией промелькнув над головой оторопевшего Антона и мягко приземлившись метрах в двадцати ниже.

— Ну ты даешь… — изумленно покачал головой Антон, возобновляя спуск.

Тот путь, по которому они спускались, был, наверное, одним из немногих возможных выходов из котловины. По некоторым признакам Антон решил про себя, что некогда здесь низвергался водопад, — скальные выступы были сглажены, менее прочные породы попросту вымыты многолетним течением воды, и древнее русло представляло собой последовательность сбегавших ко дну котловины базальтовых террас, покрытых более поздними оползнями почвы.

Ему невероятно повезло, что, находясь в полубессознательном состоянии после ранения, он скатился именно на такую, вымытую некогда водой площадку. Спускаясь, он задержался на ней. Среди редких деревьев с ярко-зелеными, плоскими, как зонтики, кронами еще стояли лужи воды. Задрав голову, он оценил свой ночной путь до следующего уступа, где располагалась укрывшая его пещера, и невольно покачал головой. Решиться на такой подъем, тем более ночью и в дождь, мог только умирающий безумец…

Его спутник тем временем оказался уже далеко внизу, и рыжая с коричневатым отливом спина Пуха мелькала между камней почти у самого дна котловины.

Антон мысленно наметил следующий отрезок пути и полез вниз, воспользовавшись участком старого оползня, на котором росли колючие

кусты. Цепляясь за них, а иногда просто утрамбовывая ногой почву в виде небольшой ступеньки, он более или менее благополучно достиг самой нижней каменной террасы.

По мере того как он спускался все ниже, прохладный и горьковатый горный воздух стал значительно теплее, появились различные, тревожившие обоняние человека запахи, чувствительно повысилась влажность. Вообще, судя по первому впечатлению, микроклимат котловины наводил на мысль о болотах и долгих утренних туманах.

Дно котловины, как пилот заметил еще сверху, не было ровным, ближе к месту крушения его истребителя виднелся поросший кустарником холм, дальше почва опять понижалась, полого опускаясь к противоположной, совершенно отвесной стене.

Пока что, несмотря на удвоенное внимание, Антон не заметил каких-либо признаков человеческого присутствия. Вокруг была сонная девственная природа, с преобладанием ярких зеленых тонов умытой ночным дождем растительности. Хотя делать скоропалительные выводы он не собирался — диаметр котловины превышал сотню километров, и по мере спуска ее дальний край все больше тонул в голубоватой, туманной дымке. Да и в ближних окрестностях рассматривать вскоре оказалось нечего — внизу лежал плотный шатер крон, из которого торчали только склоны и вершина холма.

Впрочем, одно место среди бескрайнего моря зелени все же привлекло внимание Антона. Вдалеке, приблизительно в двадцати километрах от холма, в кронах деревьев зияла внушительная прореха, по краям которой виднелись явные следы пожара.

«Наверное, туда ударила молния во время грозы…» — предположил он, преодолевая последний отрезок спуска.

Под сенью ближайших деревьев его ждал Пух. Кот растянулся на короткой и жесткой траве, и Антону на ум пришел невольный вопрос, лишь пополнивший список связанных со зверем странностей, — как, спрашивается, сочеталась окраска его шерсти с окружающей зеленью, где не было даже намека на рыжие или коричневые цвета?

Антон еще не знал, что ответ на мучившие его вопросы находится совсем близко, — менее чем в километре, прямо на склоне возвышавшегося впереди холма…

Глава 4. Страницы судьбы

Под рифлеными подошвами ботинок пружинила спутанная жесткая на вид и на ощупь трава. Спустившись с последней террасы, Антон подошел к лежащему в тени дерева рыжему зверю и сел, отцепив от пояса флягу с водой. После долгого спуска он чувствовал непривычную усталость. Рана на спине, несмотря на то что пуля, срикошетив от бронепластин скафандра, прошла вскользь, лишь глубоко разодрав кожу, причиняла неудобства и боль. Он чувствовал, что его вновь начинает лихорадить.

Сделав несколько глотков, он сложил ладонь лодочкой и, налив в нее воды, поднес к морде сомлевшего от жары зверя.

Розовый язык накрыл его руку, с готовностью слизнув воду.

Антон улыбнулся. Этот странный зверь действовал на него как глоток успокоительного. Несмотря на неопределенность своего положения, рану и прочие неприятные моменты, пилот остро ощущал, как его разум выплывает из того омута безумия, куда был безвозвратно погружен в течение двух, казавшихся вечностью лет войны.

Пока он размышлял, делая экономные глотки из фляги, Пух встал, лениво обошел вокруг группы деревьев и, вернувшись к Антону, вдруг осторожно закусил его рукав.

В первый момент Антон испугался, невольно вздрогнув, но Пух, не ослабляя хватки полусомкнутых клыков, внезапно попятился, едва не повалив его на землю.

— Эй, подожди… — Антон встал, с трудом удержав равновесие. — Чего ты хочешь?!

Зверь отпустил его рукав, пробежал несколько шагов по направлению к поросшему кустарником склону холма, остановился, призывно посмотрев на человека, и потрусил дальше, ежесекундно оглядываясь, пока не убедился, что Антон понял его желание и следует за ним.

Поведение кота насторожило Антона. Его эйфория и благодушие моментально испарились, словно их не было вовсе. Он не отказывался следовать за своим спасителем, почему-то вдруг самовольно взявшим на себя роль проводника, но все это выглядело достаточно странно, если не сказать — угрожающе…

— Иду, иду, не волнуйся, — спокойно проговорил он, когда Пух в очередной раз остановился, уже у самой стены кустарника, в заросли которого уходила узкая прямая тропа. Несмотря на кажущееся спокойствие,

Антон был взволнован таким неожиданным поворотом событий. Стараясь действовать незаметно, он включил детекторы своего защитного костюма и достал пистолет, скинув рычажок предохранителя.

Тропа была узкой. Следуя в нескольких шагах позади Пуха, он заметил на колючих ветках кустарника, поднимавшегося чуть выше человеческого роста, повисшие тут и там клочья серой и рыжей шерсти.

Значит, Пух и его сородичи, в наличии которых Антон окончательно убедился, заметив, что клочья шерсти разнятся не только по цвету, но и по оттенкам, часто пользовались этой тропой. Быть может, они…

Мысль Антона оборвалась, словно ее отсекли ножом.

Тропа закончилась. Он стоял у края обширной поляны.

Честно говоря, он ожидал увидеть тут все, что угодно, начиная от засады изголодавшихся хищников и кончая замаскированной базой сил Земного Альянса, но то, что предстало его глазам, ввергло разум Вербицкого в секундный шок…

Посреди поляны, обнесенный невысоким символическим забором из дюралевых листов, стоял покосившийся аварийный модуль, наполовину разобранный и дополненный приваренными к нему секциями так, что все вместе отдаленно напоминало первые убогие жилища колонистов его родной планеты, собранные из разукомплектованных секций грузовой сферы «Кривича»…

Антон невольно попятился, серьезно опасаясь за свой рассудок, пока ему в спину не уперлась острая ветка.

Пух сел, глядя в небо, и завыл.

Антон, находясь в полнейшей прострации, совершенно ошарашенный таким невероятным поворотом событий, стоял на месте, переводя взгляд с покосившегося от времени, потемневшего алюминиевого забора, на ветхое жилище, сваренное встык из обшивки спасательного корабля, на воющего кота и разложенные вдоль забора в повторяющейся последовательности белые черепа различных ящеров…

Прошла минута, и он наконец понял, что еще не сошел с ума, а обстановка поляны так же реальна, как и он сам.

На него внезапно дохнуло прошлым…

Он, чье сердце было изглодано ненавистью, чья душа давно отболела и умерла, он — человек, который видел, как испаряются тысячи человеческих жизней, взметнувшись в стратосферу клубящимся облаком ядерного взрыва, — он сделал шаг вперед, к этому неказистому сооружению, собранному из посеченных космосом кусков обшивки, и вдруг до боли в груди почувствовал, что ступает по земле, где обитал дух

трагедии, едва ли не худшей, чем судьба его родины…

Вой осевшего на задние лапы кота, звучал в ушах Антона как реквием…

Никогда впоследствии он не мог объяснить даже самому себе, почему так остро сопереживал этому месту, еще не зная о том, что таят эти стены, возвышающиеся за покосившимся забором.

Пух не последовал за ним. Вой внезапно оборвался, как только нога Антона ступила за незримую границу.

За грубо скрепленными листами алюминиевого сплава перед Антоном открылся вымощенный тем же материалом небольшой двор. Впереди он увидел плотно закрытый овальный люк, к которому была приделана ручка. На вершине сооружения застыл штырь ветряной энергостанции с огрызками лопастей в крепежных гнездах. На потемневшем покрытии двора распластались две потрескавшиеся секции солнечных батарей, от которых к стене дома тянулся толстый кабель. В противоположном углу высилось странное сооружение из двух перекрещенных крепежных штанг, в основании которых стояла намертво привинченная к покрытию двора помятая и обгоревшая дюза планетарной тяги. В месте пересечения двух штанг был укреплен ровный прямоугольный кусок пластика.

Антон подошел ближе и увидел буквы, прочерченные горячим острием на вечном, нетленном материале.

ПАМЯТНИК НЕУДАЧНОЙ ПОСАДКЕ
УГО УРГЕЙМ
КУРТ СЕРХЕНСОН
ОЛЬГА ВОРОНИНА
КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ «КРИВИЧ»
2210 год.

Антон почувствовал, как холод и дрожь ползут по его спине.

Он, как и все, учился в школе. Он, безо всякого преувеличения, зачитывался историей своей планеты еще десятилетним мальчишкой, пылко воображая, как потерявшийся в глубинах космоса корабль искал пристанище для тысяч замороженных в его чреве колонистов, как его экипаж грузился в маленькие разведывательные корабли, чтобы исследовать окрестные звезды, и как долго и мучительно ждали те, кто оставался на «Кривиче», их возвращения…

Один корабль так и не вернулся, и никто никогда не узнал о постигшей его судьбе…

Командиром того разведывательного корабля был швед Уго Ургейм…

Антон, далекий потомок прилетевших на «Кривиче» колонистов, стоял сейчас перед остатками спасательного модуля того самого без вести пропавшего разведчика.

Он протянул руку и с дрожью коснулся куска холодного, выцветшего на солнце пластика, словно тот мог передать через века тепло душ покоящихся тут людей.

Потом, в гробовой тишине, он повернулся и сделал Несколько шагов, отделявших его от овального входа.

Уплотнитель из армированной пластиком резину давным-давно осыпался. Металлические петли, некогда покрытые защитным составом, побила ржавчина, и они протяжно скрипнули, когда он потянул за ручку, приделанную к люку.

На него пахнуло сыростью, вековой пылью и еще чем-то древним, что не могло распознать его обоняние…

Центральное помещение, переделанное из грузового отсека спасательного модуля, было обставлено мебелью, изготовленной из пустых грузовых контейнеров и пластиковых кофров. Он прошел по нему, разглядывая неказистые шкафы, стулья, стол, заржавевшие комья, заботливо разложенные на полках, которые когда-то были приборами и инструментами… Его осторожные шаги потревожили вековой покой этого помещения, и вслед за ним в воздух взлетали легкие облачка праха, в которые давным-давно превратились все подверженные тлению вещи.

Из центрального помещения вело три двери, одна из которых оказалась приоткрытой.

Он вошел.

В стену небольшой комнаты был врезан круглый иллюминатор. Перед ним стоял сооруженный из контейнера рабочий стол, на котором возвышался демонтированный с пульта управления компьютер. Его темный монитор отражал падающий из окна свет. Вплотную к столу примыкала пластиковая кровать, покрытая слоем спрессованного от времени праха. Вдоль другой стены стояли плотно закрытые шкафы.

На столе возле компьютера лежала стопка пластиковых листов. Антон подошел ближе и только тут заметил, что покрывающий кровать слой пыли не везде равномерен. Приглядевшись, он с содроганием понял, что прах имеет форму человеческой фигуры…

В первый момент он едва не выскочил вон. Антон никогда не

причислял себя к робкому десятку, но тот полумистический ужас, смешанный с благоговением, что он испытывал с первого момента, как только пересек границу покосившегося забора, казалось, способен был раздавить, лишить воли любого, кто оказался бы тут.

Пересилив себя, он подошел к столу и склонился над стопкой прямоугольных пластин.

Это было послание. Письмо предназначалось ему — далекому потомку того человека, чей прах покрывал темный пластик незамысловатой кровати…

Антон присел на край истлевшего кресла, от которого остался только не подверженный времени каркас, и придвинул к себе стопку исписанных аккуратным почерком пластин. Человек, писавший эти строки, выводил их раскаленным острием на пластиковых крышках различных контейнеров. Видимо, он понимал, что пройдут сотни, а быть может, тысячи лет, прежде чем нога человека вновь переступит этот порог, и сделал все от него зависящее, чтобы послание дошло до адресата…

Он взял в руки верхнюю пластину и углубился в изучение знаков.

Текст был написан на интеранглийском…

«24 июля 2242 года.

Я остался один.

Сегодня, спустя тридцать два года после того, как судьба забросила нас на эту планету, я впервые почувствовал, что такое настоящая безысходность.

Оля умерла тихо, во сне. Я похоронил ее во дворе, рядом с Ургеймом.

Грустно, что никто не сделает этого со мной».

Антон дрожащими пальцами положил первую пластину и взял следующую, которая была значительно больше.

«27 июля.

Перечитал вырезанную накануне запись и понял что глупо будет провести свои последние дни в черной депрессии… В конце концов, улетая с Земли, мы надеялись отыскать планету, на которой смогли бы начать новую жизнь, без смога, перенаселения и прочих прелестей, разъедающих цивилизацию.

Мне шестьдесят лет, тридцать из них я прожил на девственной планете, чем-то похожей на Землю, рядом со мной была любимая женщина, так что мне действительно грех жаловаться на судьбу.

К тому же мы оставили тут заметный след, который, я надеюсь, не сгинет вместе с нами, а переживет века…

Я не стану тратить отпущенное мне время на изложение пройденного… В конечном итоге вся наша жизнь, начиная с катастрофы разведывательного корабля на соседней планете этой системы и практически до последних дней, описана Ольгой в бортовом журнале аварийного модуля. Там все ее мысли, собранные нами научные данные, оценки той катастрофы и т. д.

В данный момент меня волнует вовсе не халатность Уго Ургейма, приведшая к катастрофе, и не наши с Ольгой переживания. Все это уже осталось в прошлом. Сейчас меня заботят те, кто остается тут, как живой и нетленный памятник нашего присутствия на планете.

Речь пойдет о котах.

Первые годы, сразу после посадки, мы не помышляли ни о чем подобном. Наш командир был тяжело ранен во время катастрофы, он протянул всего несколько дней после падения спасательного модуля в эту котловину.

Мы с Ольгой боролись за выживание. Строили этот дом, исследовали биосферу планеты, путем мучительных опытов, проб и ошибок составляли рацион питания, очищали воду, добывали энергию.

Потом, после нескольких предельно напряженных дет, жизнь постепенно вошла в накатанную колею, мы выжили и обустроились, появилось свободное время, интересы, развлечения, надежды и мечты…

Единственное, чего мы себе не могли позволить, — это иметь детей. Мы много и иногда достаточно остро обсуждали между собой этот вопрос, пока не пришли к единому мнению, что не имеем права произвести потомство, обреченное на медленное вымирание и деградацию. Дело в том, что большая часть аппаратуры и запасов модуля была утрачена или повреждена при жесткой посадке. Единственный аппарат эмбрионального клонирования и связанный с ним лабораторный комплекс никак не мог поддержать популяцию людей на уровне, который бы позволил избежать губительных браков между нашими прямыми потомками. Приток свежих генов был, по нашим расчетам, так ограничен, что в третьем поколении неизбежно началось бы стремительное вырождение генофонда и, как следствие, — полная деградация и неизбежная гибель всей популяции…

Ни один нормальный человек не пожелает подобной судьбы своим детям.

И все же нам было крайне тоскливо в окружении чуждой природы, застывшей на уровне господства земноводных ящеров. Я уже не помню,

когда в голову Ольге пришла мысль о том, чтобы, в соответствии с нашими возможностями, разморозить часть пригодных для использования эмбрионов из обязательного запаса, которым был укомплектован модуль, и вырастить домашних животных.

Мы остановили свой выбор на котах. Оля часто говорила, что мечтает иметь маленького, пушистого котенка, и в конце концов мы решились.

Первый опыт оказался удачен. Мы вырастили несколько пар, получив от них здоровое потомство и свежий материал для эмбрионального клонирования. Наши маленькие питомцы быстро освоились и вскоре уже свободно разгуливали не только по дому, но и по окрестностям. Некоторые из них одичали, и с этого, собственно говоря, и начались неприятности.

На наших питомцев была открыта форменная охота со стороны населяющих котловину рептилий. Едва ли не каждый день мы с Ольгой находили в окрестностях дома клочья шерсти и останки незадачливых и любопытных по своей природе котов.

Нам ничего не оставалось, как держать их взаперти дома или в специальных клетках во дворе, но это уже не могло решить проблему в принципе. Кошки регулярно приносили потомство, некоторые ухитрились сбежать из заключения, — в общем, процесс их воспроизводства вышел из-под нашего контроля. По ночам окрестности оглашали демонические вопли рептилий, которые, казалось, сползаются сюда со всей котловины. Моя жена плакала, я был в растерянности, и в нас обоих копилась ненависть к обнаглевшим земноводным тварям.

Хуже всего, что наш запас патронов к имевшемуся стрелковому оружию стремительно таял, и очень скоро мы должны были встать перед дилеммой — либо ящеры раз и навсегда оставят в покое наше жилище., либо мы будем вынуждены отбиваться от них камнями и палками…

Именно тогда мне пришла в голову мысль попытаться изменить программы клонирования так, чтобы наши питомцы смогли не только постоять за себя, но и защитить нас.

Несколько месяцев мы с Ольгой не вылезали из развернутой дома биолаборатории, пока спустя полгода отчаянного труда из инкубатора не вышел первый

Котенок — пишу это слово с большой буквы. Он имел коричневато-рыжий окрас и был размером с хорошую сторожевую овчарку.

Так начала свою жизнь популяция этих удивительных, ласковых, преданных и в то же время сильных и независимых животных, навсегда избавивших нас от проблем противостояния с окружающей природой. Они очень быстро расселились по котловине, решительно изменив ее

природный баланс в свою пользу, и мы некоторое время серьезно опасались, что эти изменения станут необратимыми, ящеры исчезнут, и наши питомцы попросту перемрут от голода, но, к счастью, этого не случилось. Постепенно коты заполнили часть высвободившейся экологической ниши, равновесие восстановилось, и все вернулось на круги своя, как только численность их популяции застыла на отметке тридцати-сорока особей.

Последующие за этим годы можно назвать, наверное, самым счастливым периодом в нашей жизни.

Коты перебрались жить в лес, но несколько особей по какому-то их взаимному согласию постоянно находились у нас дома, периодически сменяя друг друга. Остальные тоже не распались на пары или мелкие группы, а по непонятной нам причине обосновались в одном месте, километрах в двадцати от нашего холма, почти у самого края болот. Конечно, случилось это не сразу, прошло около десяти лет, пока установился описанный мною порядок вещей.

Сейчас, когда я пишу эти строки, в лесах сменилось уже два поколения котов. С течением времени мы стали замечать достаточно странные и удивительные явления. Не знаю, что больше сыграло свою роль, — изменение программы клонирования, породившее случайную мутацию, или же пропорциональное увеличение объема головного мозга этих и без того сообразительных домашних животных, но в последние годы они демонстрируют нам явные признаки пробуждающегося разума…»

«12 января 2243 года.

Теперь я уже не сомневаюсь — они принимают меня за бога. Со дня смерти Ольги прошло полгода, и за это время ни один из них не пересек границу нашего дворика. Словно на человеческое жилье наложено табу.

Я совсем одряхлел, старость навалилась как-то внезапно, без предупреждения. Наверное, виной всему одиночество. Уже несколько месяцев я не отхожу от дома дальше полукилометра, и наши питомцы исправно приносят мне свежее мясо. В моей помощи они давно уже не нуждаются. Сильные, гордые, грациозные звери, на них приятно смотреть. Между нами нет никакого отчуждения, просто никто из них уже не вбежит в дом и не уткнется в колени холодным, мокрым носом. Создается ощущение, что они продолжают любить меня, но уже на почтительном расстоянии.

В них, без сомнения, присутствует первобытный разум, иначе как объяснить странные узоры из начисто обглоданных черепов, которые они

регулярно выкладывают подле забора? Забавно и грустно смотреть на их занятие. Я все чаще задумываюсь, каким будет их дальнейшее развитие? Смогут ли они перешагнуть черту примитивного идолопоклонничества и развиваться дальше?…»

На этом обрывалась последняя запись.

Антон с трудом оторвал взгляд от пластины, на которой еще оставалось достаточного свободного места, и посмотрел на останки человека.

Это был Курт Серхенсон…

Смерть оборвала его странный дневник, но Антона не оставляло чувство, что этот человек умер спокойно.

Встав с кресла, он подошел к койке. Нужно было собрать прах… Рука Антона потянулась к поясу и застыла.

Нет… Не стоит нарушать покой этого места…

Он был солдатом и за те годы, что вела его судьба по превратным тропкам войны, научился сдерживать свои чувства. Его всегда коробила излишняя ритуальная суета.

Несколько минут он простоял, не шевелясь, в скорбном молчании, вдыхая затхлый запах дома, который за прошедшие столетия сам превратился в склеп. Антон чувствовал себя лишним среди тишины и застоявшегося воздуха.

Кинув прощальный взгляд на прах далекого предка, он повернулся и вышел.

…Пока он находился внутри дома, в безоблачном небе начали сгущаться темные тучи. В вязком воздухе явственно пахло приближающейся грозой.

Антон пересек вымощенный кусками обшивки двор и подошел к калитке.

Пух сидел, словно изваяние, на том же месте, где он оставил его больше часа назад. Увидев человека, он повернул голову.

Антон вышел за границу забора и, стараясь не наступать на черепа, приблизился к коту. Присев возле него на корточки, он заглянул в зеленые глаза Пуха и спросил:

— Значит, ты думаешь, что я — бог, да?

Антон внезапно поймал себя на мысли, что испытывает соблазн. Там, за границами атмосферы, где царили льдистые россыпи звезд, для него не было приготовлено ничего, кроме кровопролитной войны, безумия и смерти. Никто не ждал лейтенанта Вербицкого, У него не осталось родных,

а своей семьей и детьми помешала обзавестись все та же война…

— Нет, Пух… мы не боги, — внезапно проговорил он, глядя в зеленые глаза зверя.

Кот покосился на него, не меняя позы, и Антон вдруг понял, что тот испытывает мучительную двойственность, возможно впервые посетившую его первобытный разум. Взгляд кота метался между человеком и стенами святилища, и, видно, в его душе решался в этот момент исключительно важный вопрос, что главнее — человек, неожиданно спустившийся с неба, или же обветшалые стены древнего капища, обитателей которого не застали даже его прадеды…

Наконец он решился. Мускулы Пуха напряглись, шерсть встала дыбом, и он попятился назад. Миновав какаю-то, ведомую только ему незримую черту, он повернулся, нервно уркнул, одним прыжком подлетел к Антону и с ходу толкнул его твердым, как камень, лбом прямо в грудь, требуя ласки.

Второе пришествие состоялось. Выбор был сделан.

Антон рассмеялся, опрокинувшись на спину, и Пух, донельзя довольный, тоже повалился рядом с ним на жесткую упругую траву, радостно мурлыча и тычась носом в руки и грудь Антона. Пилот запустил пальцы в густой мех кота, глядя в бездонную голубизну опрокинувшегося над ним небосвода, на который продолжали медленно наползать, пожирая лазурь, тяжелые грозовые облака.

Глава 5. Развязка

Через час, спустившись с холма, они прошли около двух километров на запад, двигаясь в глубь котловины, и оказались на краю огромного болота — целое море стоячей коричневой воды раскинулось перед Антоном, созерцавшим его с пологого берега.

Болото было достаточно мелким, и его во всех направлениях рассекали выступающие из воды бугры. На них росли все те же деревья с плоскими раскидистыми кронами, но теперь к ним примешивались кустарник и высокая трава. Из воды торчали стволы растений иного рода, формой листьев они походили на древовидные папоротники, но были значительно ниже и развесистее. В воздухе пахло торфом, слышались звуки чьих-то хлюпающих шагов, шипение, шелест и пронзительные, нервные вскрики каких-то тварей…

Пух, присевший рядом с Антоном, не обращал на них никакого внимания, для него они были обычной многоголосицей родного леса.

Антон посмотрел на хмурящееся небо, видневшееся сквозь прорехи листвы, и огляделся вокруг, ища укрытие от дождя. Скоро должен был наступить вечер, и его заботила мысль о предстоящем ночлеге в котловине. К тому же они удалялись от выхода наверх, где остался истребитель Вербицкого, что не совсем устраивало человека. Но его рыжий спутник, видимо, думал иначе. С настойчивостью, граничащей с обыкновенным упрямством, он тянул Антона в глубь котловины, увлекая за собой в лесную чащу. Коту было, очевидно, плевать на истребитель, и его ничуть не заботила война людей.

Пока Антон оглядывал окрестности, в глубине болота возникло какое-то движение.

Пух моментально напрягся. Шерсть на его загривке встала дыбом, он припал к земле, нервно перебирая передними лапами и втягивая душный, влажный воздух.

Антон застыл, наблюдая за ним.

Шорох приближался. Он доносился с противоположного склона ближайшего пригорка, торчащего из мутной стоячей воды болота в нескольких десятках метров от берега.

Пух, по-прежнему припадая к земле, прополз несколько метров на брюхе, беззвучно вошел в воду и внезапно прыгнул, взвившись в воздух на несколько метров.

Из-за росшего на бугре папоротника Антон не мог разглядеть того, кто привлек внимание его спутника. Рыжая молния с треском врубилась в самую гущу разлапистых, мясистых листьев, откуда тотчас раздалось шипение, короткий вопль кота и звуки отчаянной борьбы.

Антон застыл на берегу, не зная, что ему делать — оставаться на месте или же броситься в болото, где, судя по звукам, кипела нешуточная схватка.

Пока он колебался, все уже было кончено. Из развороченных зарослей показалась измазанная болотной грязью голова Пуха, сжимавшего в пасти растерзанную змею.

Антон невольно покачал головой, удивляясь силе и бесстрашию своего спутника. Туловище змеи все ползло и ползло, и Пух прошествовал не меньше пяти метров, прежде чем из зарослей показался ее хвост. Горло земноводной твари было растерзано, и голова болталась на тонкой полоске чешуйчатой кожи.

Дойдя до берега, он бросил добычу у ног Антона и устало повалился рядом, искоса поглядывая на человека.

С небес понемногу начинали срываться первые крупные капли дождя.

* * *

Небольшой костер шипел и плевался, с трудом пожирая мокрые ветки, но, несмотря на проливной дождь, на ограниченном пятачке под развесистой кроной дерева-зонтика было сухо и уютно.

Антон сидел, прислонясь спиной к шершавому стволу дерева, и курил, глядя в огонь. У его ног растянулся сытый и довольный Пух. Огонь отражался в его огромных глазах, словно в них самих плясали дьявольские язычки пламени.

Наступал вечер.

Несмотря на кажущуюся идиллию, на душе Антона было тяжело, и в его голове ворочались невеселые мысли.

Он не был готов к той роли, что навязывала ему судьба. Прожить остаток жизни на этой планете, пестуя племя первобытных котов, куда, как понял Антон, тянул его Пух, было попросту выше его сил. Но что он мог противопоставить судьбе?

Быть может, это был его единственный шанс остаться в живых, не сгореть на проклятой войне, ведь он отдал достаточно крови на алтарь независимости своей родины и был вправе со спокойной совестью дышать чистым воздухом этой планеты…

Антон судорожно сглотнул, выкинул окурок и закрыл глаза.

Перед мысленным взором мгновенно возникла ходовая рубка пикирующего истребителя, в уши ударил высокочастотный вой надсаженных двигателей, запах перегретой изоляции смешался в его памяти со звоном падающих на дно соседнего отсека стреляных гильз, и перекошенное лицо Володи Сенельшина с аккуратной дырочкой во лбу вновь уставилось на него остекленевшим взглядом…

Он вздрогнул, открыв глаза, но цепкое видение все еще стояло перед ним, делая враждебными пляшущие язычки костра и наполняя дождливый вечерний сумрак смутными, вырванными из прошлого призраками.

Нет… Этой крови никогда не будет в достатке. И он не сможет играть роль довольного и сытого божка, зная, что на орбитах родной планеты умирают в тесных кабинах боевых машин такие же, как он, молодые ребята… Он был нужен там…

…Прервав его мысли, из глубин котловины внезапно донесся отдаленный, приглушенный дождем и расстоянием вой.

Пух, сомлевший возле костра после сытного ужина, подскочил, словно в его теле внезапно разжалась пружина. Несколько секунд он метался на сухом пятачке, потом внезапно прыгнул в стену дождя, мгновенно растворившись во мраке, но тут же вернулся.

Вой повторился. Потом еще раз. И еще.

Пух стоял как вкопанный, умоляюще глядя на удивленного Антона. С его шерсти крупными каплями скатывалась дождевая вода.

Антону не нужно было обладать особой прозорливостью, чтобы понять, что означает этот безумный, умоляющий взгляд. Там, откуда доносился протяжный вой, было его племя, и там случилась какая-то беда.

Ни слова не говоря, он встал, быстро собрал разложенные вокруг костра вещи, закинул за спину пластиковый кофр, затушил огонь и повернулся к застывшему в молчаливом, тревожном ожидании коту.

Лейтенант Вербицкий всегда отдавал долги, а не помочь этому удивительному существу он попросту не мог.

— Веди, — проговорил он.

Пух развернулся и шагнул в дождь.

* * *

Они бежали всю ночь, и к утру обоих уже качало от усталости.

— Погоди… — прохрипел Антон, тяжело привалившись к шершавому, мокрому стволу дерева. — Дай отдышаться…

Пух, уже отбежавший на приличное расстояние, вернулся и покорно лег у его ног. Его великолепная шерсть слиплась и висела спутанными,

мокрыми сосульками. Тело огромного кота сотрясала крупная дрожь.

Антон, превозмогая вернувшийся озноб, достал пищевую таблетку из неприкосновенного запаса и заставил себя проглотить безвкусный, но питательный шарик. Ему очень хотелось пить, но вода во фляге закончилась, а очищать болотную жижу при помощи химических фильтров не было времени.

В первые часы этого безумного ночного марш-броска до них периодически доносился отдаленный вой, потом он смолк, и это сильно беспокоило Антона. По его расчетам, они отмахали километров пятнадцать и вскоре должны были выйти к тому месту, где накануне он видел поваленные деревья.

Пух поднял глаза и тоскливо посмотрел на человека. За эту ночь между ними установилось молчаливое, основанное на интуиции, взглядах и жестах взаимопонимание. Путь по ночному лесу, под проливным дождем был труден и опасен. Антон дважды проваливался в болото, не заметив впотьмах окна стоячей воды, и оба раза ему на помощь приходил Пух. Потом, уже далеко за полночь, кот сильно поранил лапу, загнав в нее двухсантиметровый шип, и Антону пришлось при свете карманного фонарика делать маленькую хирургическую операцию по удалению зазубренной занозы…

Так, помогая друг другу, они бежали всю ночь.

Антон посмотрел на мокрого, трясущегося кота и разогнулся, оторвавшись от ствола дерева.

— Идем.

Пух молча вскочил и с готовностью затрусил вперед. Он мог передвигаться гораздо быстрее человека и проще переносил все перипетии их ночного путешествия.

Дождь прекратился уже далеко за полночь, к утру небо прояснилось, в ложбинках над болотцами поплыли первые клочья утреннего тумана, а в светлеющем небе проглянули бледные звезды.

Антон не задавался вопросом, почему он очертя голову следует за Пухом. Ему не нужно было ничего решать — далекий вой сразу же резанул по нервам лейтенанта предчувствием большой и непоправимой беды.

По мере того как где-то за горами, далеко за краем котловины вставало солнце, здесь, внизу, сгущался туман. Несмотря на то что большую часть пути они проделали в кромешной тьме, Антон заметил, что все это время они двигались вдоль края болота, лишь изредка углубляясь в него, когда не оставалось иного выбора. Пух отлично знал и чувствовал направление.

Вот и сейчас он на секунду остановился, и его мокрые бока ходили ходуном, пока он жадно втягивал в себя утренний воздух. Потом, что-то почуяв, он вновь сорвался с места, не забывая при этом то и дело оглядываться на человека.

Пологий, поросший травой и редкими кустами болотный берег вдруг начал круто забирать вправо, впереди из утреннего тумана все явственнее проступали контуры невысокого холма, когда Антон услышал подозрительный скрежет и почти тотчас же споткнулся обо что-то мягкое…

Он остановился, едва удержав равновесие на скользкой земле, взглянул себе под ноги и почувствовал, как что-то оборвалось внутри и холодное, неотвратимое чувство непоправимости заполнило его разум.

Под ногами Антона, в испачканной кровью траве вытянулось полутораметровое серое тело с огнестрельной раной в боку.

Это был кот… вернее, кошка, если судить по двум рядам сосков на ее животе. Остекленевшие глаза животного смотрели в розовеющие небеса.

Сзади раздались мягкие шаги. Он обернулся.

За его спиной стоял Пух. Его мокрая шерсть вздыбилась по всему телу, глаза горели безумным желтым огнем.

Он медленно подошел и обнюхал труп.

Потом поднял глаза и посмотрел на Антона.

В этом красноречивом взгляде было все: боль, недоумение, ярость, упрек…

Антон стоял, понурив голову, и чувствовал, как то самое, черное безумие, что владело им все эти годы, накатывает на него неумолимой, удушающей волной горького стыда…

Он не мог посмотреть в глаза Пуху.

Здесь, на берегу мутного болота, он впервые понял, что представляют собой люди и какова их мера ответственности за свои поступки.

Чума… Проказа, ползущая по Галактике и разносящая споры смерти.

Одни сеяли жизнь, другие уничтожали ее, но и те и другие в глазах этих существ были одного рода-племени. Зарвавшиеся, обуянные гордыней и ненавистью друг к другу боги, неспособные разобраться со своими собственными проблемами…

Он заставил себя поднять взгляд и нашел полные муки глаза Пуха.

— Мы не боги… — прошептал он. — И никогда ими не будем…

Потом повернулся и, не скрываясь, зашагал к краю болота, из которого, окруженный поваленными деревьями, торчал корпус тяжелого орбитального перехватчика.

В глазах Антона стояли слезы. Никогда в жизни лейтенант Вербицкий

не чувствовал внутри себя такой абсолютной сосущей пустоты, как в эти мгновения. Его рука легла на рукоять автоматического пистолета.

Берег болота в этом месте резко заворачивал, образуя залив из стоячей, мутной воды. Среди поваленных, вывороченных с корнями деревьев ему то и дело попадались окоченевшие трупы котов. В некоторых местах зияли свежие, уже заполнившиеся водой воронки.

Орбитальный перехватчик — огромная, длиной около сорока метров, треугольная обтекаемая плита — торчал, вонзившись одним углом в вязкую почву болота прямо посреди залива. Его люки были открыты. В четырех точках к корпусу были прикреплены аварийные кронштейны с автоматическими лебедками, от которых к возвышающимся в нескольких местах скалам тянулись черные шнурки металлических тросов.

Скрежет повторился.

Антон видел, как натянулись тросы и многотонная машина слегка подалась вверх, понемногу начиная выравниваться. Нехитрый механизм был позаимствован у машин-внедорожников. Прикрепленные к броне штурмовика лебедки натужно ревели, сматывая тросы, и сантиметр за сантиметром выдирали боевую машину из болотной жижи.

Снаружи никого не было видно, пилот наверняка находился в этот момент в рубке управления.

По краю болота в живописном беспорядке были разбросаны вросшие в землю обломки скал. Антон остановился под прикрытием такого валуна и обернулся, чтобы посмотреть, что делает его спутник.

Из высокой травы, в том месте, где они наткнулись на мертвую кошку, торчали спина и загривок Пуха. Он по-прежнему обнюхивал труп.

Удостоверившись, что кот не собирается соваться в болото, Антон повернулся, услышав за спиной тяжкий вздох трясины, чавканье и гулкий удар.

Сорокаметровая треугольная плита орбитального перехватчика, имевшая около десяти метров в толщину, наконец выровнялась и плашмя обрушилась в воду. Один из тросов не выдержал рывка и лопнул, располосовав воздух свистящим черным росчерком. Тяжелая машина слегка погрузилась в потревоженную, бурлящую жижу и застыла, удерживаемая тремя натянувшимися тросами.

В этот момент компьютер перехватчика заметил Пуха, чья спина торчала из травы на пологом спускающемся к болоту склоне. Антон увидел, как вздрогнула, разворачиваясь в сторону кота пулеметная турель, и метнулся вперед.

Вылетев на берег, он на мгновение остановился, вскинул оружие, и

три выстрела гулким эхом разодрали туманную утреннюю тишину. Оптика пулеметной турели брызнула осколками, стволы несколько раз конвульсивно дернулись и застыли.

Он кубарем покатился под прикрытие валунов, преследуемый по пятам султанчиками разрывов, — это автоматически сработала вакуумная турель противоположного борта. В лицо брызнула горячая каменная крошка, но Антон, тяжело дыша, уже лежал в укрытии, в мертвой для пулеметов перехватчика зоне.

Машинально смахнув с лица выступившие из порезов капельки крови, он выглянул наружу.

Рыжая спина исчезла, лишь на склоне небольшого, расположенного поодаль холма травостой волновался, выдавая чье-то стремительное движение.

Открытые люки перехватчика с лязгом захлопнулись.

Несколько минут над потревоженным болотом висела тяжкая тишина, нарушаемая лишь вздохами трясины да бульканьем поднимающихся из глубин зловонных пузырей.

Антон, притаившийся за иззубренным осколком скалы, достал из мокрого подсумка две светотермические гранаты и запасную обойму. Перекинув предохранитель пистолета в режим автоматической стрельбы, он вновь выглянул, услышав, как в издаваемые болотом звуки вплелись характерные подвывания сервоприводов.

На броне перехватчика располагались несколько полусферических вздутий. В данный момент одно из них повернулось вокруг своей оси, и закрывающие его бронеплиты внезапно разошлись, утонув в обшивке. Под ними скрывался обыкновенный обзорный блистер, выполненный из бронестекла, в котором были прорезаны узкие амбразуры. Антон отчетливо видел, как в куполе появилась светловолосая голова и плечи пилота.

Чужак явно был обеспокоен внезапным отказом пулеметной турели, хотя мог и не слышать выстрелов, конечно, если в кабине управления не были включены внешние микрофоны.

Антон не собирался тянуть волынку.

— Ну что, будем знакомы, ублюдок… — громко проговорил он, не показываясь из укрытия. В правой руке он сжимал светотермическую гранату, и его палец буквально ныл на кнопке ее активации.

При звуке его голоса пилот вздрогнул и в панике завертел головой.

— Кто тут есть?! — на ломаном элианском прокричал он, продолжая озираться по сторонам.

«Твоя смерть», — мрачно подумал Антон, делая шаг из-за валуна.

Поначалу он хотел поговорить с ним, рассказать историю котов, ведь они оба, в конце концов, были людьми и должны понять друг друга. Пилот перехватчика вполне мог и не подозревать о содеянном. Рухнув в болото позапрошлой ночью, во время памятной грозы, когда Антон в полубессознательном состоянии карабкался по каменистому склону к пещере, он наверняка активировал автоматическую программу защиты, пока занимался ремонтом внутри корабля, и котов, скорее всего, отстреливал боевой компьютер, но, взглянув в белесые, полные гадливого страха и неприкрытой ненависти глаза, Антон понял, что говорить с этим типом бесполезно. Сложись ситуация иначе, и этот гад, не задумываясь, перестрелял бы тут все живое, даже не пытаясь ни в чем разобраться. Для таких людей имеет значение только своя собственная шкура, и больше ничего…

В сотне метров от него из густой травы внезапно вынырнул рыжий силуэт Пуха, и это в конечном итоге спасло Антону жизнь. Прежде чем показаться из укрытия, ему следовало бы вспомнить, что этот самый ублюдок, побледневший и судорожно сующий ствол импульсной винтовки в прорезь бойницы, не далее как сутки назад хладнокровно расстреливал ползущего по камням человека.

Вторая, управляемая компьютером пулеметная турель корабля замешкалась ровно на одну секунду. Ее электронный мозг не сразу определил приоритетность целей — с одной стороны, Пух был явно агрессивным существом, одним из тех, с кем компьютер вел борьбу всю ночь, с другой же стороны, вооруженный, хотя и не выказывающий признаков агрессии человек по классификации был куда опаснее местного животного, и, соответственно возникшему противоречию, стволы турели сначала дернулись в сторону кота, но, не завершив движения, вдруг начали поворачиваться к Антону. Однако было поздно…

Черный, рифленый шарик светотермической гранаты описал крутую дугу и стукнул об обшивку подле самых стволов. Ослепительная вспышка, сопровождаемая грохотом и ноющим свистом осколков, расцвела на броне штурмовика, изуродовав пулеметную надстройку, и в этот момент Антон, отвернувшийся, чтобы уберечь глаза от вспышки, почувствовал, как что-то горячее с размаху ударило его со спины.

Он упал. Пуля пробила плечо, отшвырнув его за камни.

Страх и близкая ослепительная вспышка помешали пилоту перехватчика выстрелить наверняка, и он, увидев, что Антон упал, ругаясь, откинул бронеколпак и спрыгнул на землю, стремясь как можно скорее добить раненого.

Он не видел, как сзади к нему несется огромный рыжий кот.

Пух опоздал. Ему оставалось пробежать еще метров двадцать, когда пилот перехватчика поднял пистолет, целя в голову распростертому на окровавленной траве человеку, но нажать гашетку он не успел.

Антон, все это время невероятным усилием воли удерживавший себя на грани потери сознания, вдруг резко выкинул руку, и широкий десантный нож с хрустом вошел в горло противника.

Пилот нелепо взмахнул руками и рухнул, придавив ноги Антона.

Пух взвыл, горестно оседая на задние лапы, но тут же вскочил, метнувшись к двум распростертым на земле телам.

Расширенные глаза кота были в этот момент похожи на человеческие — столько боли, недоумения и ярости читалось в них…

* * *

Антон похоронил пятерых котов на пригорке, установив над могилой обыкновенный деревянный крест. Неподалеку возвышался еще один холмик свежевырытой земли.

Закончив печальную процедуру, он немного постоял над могилой, потом повернулся и пошел, морщась от боли в простреленном плече, к берегу, на который с борта перехватчика был выдвинут серебристый металлический трап.

Пух сидел на берегу. Глаза кота были устремлены в туманную даль. О чем он думал в этот момент, не ведал никто. Между котом и человеком сохранялась устойчивая эмоциональная связь, но разделяющий их языковый барьер оказался непреодолим.

Антон надеялся, что где-то поблизости Пух найдет своих сородичей, ведь Курт в своих записках упоминал популяцию в тридцать-сорок особей. Скорее всего, на этом берегу погиб охотничий или разведывательный отряд племени, а быть может, семейный прайд, но так или иначе Антону хотелось верить, что его друг не останется в одиночестве, иначе этот отлет граничил бы с предательством.

Доковыляв до берега, он сел на траву рядом с Пухом. Кот скосил на него зеленые глаза и вдруг, словно подчинясь какому-то внутреннему порыву, положил голову ему на колени.

Пальцы Антона утонули в пушистой, просохшей на утреннем ветерке шерсти.

Он воспринял этот порыв как знак того, что если Пух и не понял сути всего происходящего, то Антон по-прежнему оставался для него если не богом, то по крайней мере другом.

Некоторое время он молчал, гладя кота.

Потом Антон встал. Пух отряхнулся и, подняв голову, посмотрел на человека.

— Пора прощаться… — вздохнул Антон. — Мне нужно лететь. Там, — он сделал неопределенный жест здоровой рукой в сторону неба, с которого вновь приветливо светило солнце, — там идет война. Далеко отсюда моя родина, где сражаются мои товарищи. — Он присел и, сглотнув вставший в горле комок, заглянул в глаза Пуха. — Я не могу остаться, извини…

Выпрямившись, Антон резко развернулся и ступил На трап. Пух порывисто вскочил и в какой-то момент казалось, что он побежит вслед за человеком, вовнутрь Корабля, но у самой кромки воды он остановился, сел и жалобно завыл…

Антону казалось, что его сердце сейчас лопнет от горя.

— Уходи! — крикнул он, обернувшись в проеме открытого люка. — Уходи, Пух, сейчас тут будет жарко!

Кот не шелохнулся.

С жадным чавканьем уплотнителей закрылись люки. Пандус втянулся вовнутрь корабля, и под днищем машины, в болоте, что-то забулькало. Потом оттуда повалил раскаленный пар.

Пух наконец понял, что происходит. Он отбежал на почтительное расстояние и застыл, словно облитая солнечными лучами рыжевато-золотистая статуя, установленная на склоне холма.

Из-под днища перехватчика вырвалось ослепительное пламя, и он начал медленно подниматься. Звонко лопнули один за другим натянутые тросы, внезапно накатился оглушительный рев, и машина рванулась вверх, туда, где сияли невидимые отсюда звезды.

Пух, еще некоторое время смотревший в небо, понурил голову и побрел прочь.

Эпилог

Бронированные створы модульного люка резко раздались в стороны, и на пороге командного отсека появился командир эскадры.

Дежурный офицер выпрыгнул из своего кресла и, вытянувшись, вскинул руку, отдавая честь.

— Во время боевого дежурства происшествий не случилось, сэр! — отрапортовал он. — Экипаж корабля готовится к орбитальному маневру!

— Хорошо, продолжайте. — Полковник Вербицкий прошел к обзорным экранам, чтобы взглянуть на пухлый шарик планеты, к которой приближался флагман космического флота Элио.

Война закончилась полтора года назад полным снятием блокады. Его родина в кровопролитной борьбе отстояла свой статус независимой планеты и теперь начала стремительное развитие, поднимая экономику и создавая мощный космический флот.

Вербицкий склонился к коммуникатору боевой связи.

— Радарная рубка, доложить обстановку! — потребовал он.

— Орбиты чисты, сэр! — отозвался интерком спустя несколько секунд.

— Ищите! — не терпящим возражений тоном приказал полковник. — Третья боевая палуба, на связи командный пост!

— Вахтенный канонир на связи, сэр!

— Боевая тревога! Орудийно-ракетным комплексам пять, семь, пятнадцать доложить о готовности к поражению целей!

Находившиеся в отсеке офицеры корабля недоуменно переглянулись за спиной полковника. Если командир эскадры хотел провести обычную тренировку с поражением учебных целей, то зачем они забрались так далеко в космос?!

Однако возражать Вербицкому не решился бы никто. На некоторых офицеров вид абсолютно седого, несмотря на свои тридцать пять лет, полковника, прошедшего всю войну, от первой атаки до последнего залпа, наводил откровенную дрожь, большинство же членов экипажа просто уважали своего командира…

— Пятый комплекс к стрельбе готов!

— Седьмой готов!…

— Пятнадцатый комплекс готов, сэр!

На мгновение в отсеке повисла тишина, которую внезапно нарушил

изумленный и чуть встревоженный голос дежурного офицера радарной рубки.

— Внимание! Всем постам! Боевая тревога! Наблюдаю залп кассетной реактивной установки с низкой орбиты!

По крейсеру прокатилась разноголосица команд. Ракеты действительно атаковали корабль! В вакууме бесшумно разворачивались покатые башни орудийно-ракетных комплексов.

По обшивке и переборкам пробежала моментальная дрожь, это заработали вакуумные орудия главного калибра, выставив перед крейсером плотную стену заградительного огня.

Полковник Вербицкий повернулся, посмотрел на вытянувшиеся лица своих офицеров, сосредоточенно работавших за пультами, дождался первого сообщения о поражении целей и пошел к выходу из командного отсека.

Крейсер продолжал вести огонь, сбивая установленные Антоном ракеты. Значит, тот гипотетический корабль противника так и не появился на орбите… Как давно все это было…

— Подготовьте спускаемый модуль, — на ходу распорядился он. — Группа сопровождения не нужна, только пилот. И приведите моего сына на шлюзовую площадку.

* * *

Пилот спускаемого модуля был удивлен не меньше офицеров, когда аппарат пронзил густую облачность и начал опускаться в указанном полковником квадрате.

Внизу, укутанная туманом испарений, лежала огромная, похожая на астероидный кратер котловина. С одной стороны к ней примыкало небольшое горное плато, куда, собственно, и опускался десантный модуль. Чуть в стороне, уходя к горизонту, змеился глубокий каньон.

Коснувшись телескопическими опорами твердого камня, спускаемый аппарат качнулся на амортизаторах и застыл. Пока шел процесс шлюзования, пилот с изумлением разглядывал покореженный и уже порядком проржавевший остов космического истребителя, застывшего на самом краю плато.

Полковник первым спрыгнул на землю, огляделся, подхватил сына и, поставив четырехлетнего Андрейку на камни, подошел к истребителю.

Подле него, образуя правильный ромб, были разложены белые, обглоданные черепа ящеров.

Пилот видел, как по лицу Вербицкого скользнула понимающая и

счастливая улыбка. Подойдя к обрыву, за которым начинался спуск в котловину, он достал ракетницу и несколько раз выстрелил в воздух.

Остаток дня пилот откровенно маялся от скуки. Вербицкий с сыном насобирали сухих сучьев и развели костер. Андрейка веселился, поджигая тоненькие прутики и бегая с ними между камней, полковник же вел себя совсем необычно. В глубокой задумчивости он сидел подле костра и смотрел в туманную даль, словно вспоминая какие-то далекие события.

Уже начинало смеркаться, когда до слуха задремавшего пилота долетел звонкий голос младшего Вербицкого:

— Папа, папочка, смотри, к нам идет котик!

Пилот вздрогнул, взглянув сквозь прозрачный триплекс кабины в том направлении, куда указывал Андрейка.

По противоположному краю плато шествовала странная процессия. Впереди гордо вышагивал огромный, почти двухметровый кот. Пилот никогда не видел живых представителей этого семейства, но у него почему-то создалось впечатление, что это старый проживший долгую жизнь самец, по-видимому, вожак следовавшего за ним по пятам прайда. Его великолепный рыжевато-коричневый мех лоснился, сверкая в лучах заходящего солнца; под шкурой при каждом шаге перекатывались могучие мускулы.

Прайд остановился в сотне метров от полковника, лишь вожак продолжал идти вперед, не отрывая взгляда огромных зеленых глаз от Вербицкого. Они были под стать друг другу — статные, матерые, убеленные годами борьбы, и пилот невольно залюбовался этой совершенно фантастической картиной.

А потом произошло нечто совсем невероятное, с точки зрения обычного человека.

Командир эскадры и старый кот вдруг, словно сбросив личину годов, кинулись друг к другу.

Андрейка заревел от страха, пилот рванулся с кресла, но было поздно…

Кот и полковник встретились посреди плато.

Антон обнял седеющий загривок Пуха, и тот в свою очередь ткнулся лбом в его грудь.

Антон Вербицкий впервые в жизни плакал, не стыдясь собственных слез, а огромный рыжий кот слизывал с его щек соленые капельки влаги.